

что образующие картину мира естественные классы нестабильны, текучи по своему составу и их членство в каждый момент времени не известно говорящим. Поэтому, выделение из класса одного из его членов не снимает необходимости в утверждении его бытия.

Нужда в выделительном детерминанте повышается по мере того, как суживается, становится более исчислимым класс предметов.

Если имеется в виду не разбросанное по вселенной множество однородных объектов (людей, медведей или рыцарей), а его ограниченная часть, то показатель выделительности становится желательным (ср. *Есть у меня один приятель*), а если в предложении фигурирует множество, внутри которого происходит обособление предмета, то квантор почти обязателен: *Среди моих однополчан есть один хитроумный солдат*. С другой стороны, нужда в кванторе выделительности предопределена указанием на признак, отличающий данный предмет от других членов множества. Статус прилагательного в таких предложениях как *Жила-была (одна) очень умная собака* и *Среди его собак (в его своре) была одна очень умная (собака)* различен. В первом предложении признак умности не составляет привилегии данной собаки: *Жила-была одна очень умная собака* = *Жила-была собака*; она была очень умна, т. е. принадлежала к подклассу умных собак. Во втором случае признак умности выдвигается в качестве различительного, индивидуализирующего: *Среди его собак была одна очень умная* = *Одна из его собак отличалась большим умом, была очень умна*. Индивидуализирующая функция прилагательного влияет на роль глагола *быть*, экзистенциальное значение которого начинает преобразоваться в связочное.

Предложения этого второго типа, несущие на себе отпечаток интродуктивно-выделительной программы, опираются на пресуппозицию (или утверждение) существования представителей некоторого класса в данном фрагменте мира. Предложению *Была у Ноздрева одна собака — брудастая с усами, отличающаяся непостижимой уму бочковатостью ребер и комкостью лап* должно предшествовать сообщение *у Ноздрева были собаки*, утверждающее наличие объектов некоторого класса в конкретной области бытия. Иногда, впрочем, само обозначение области бытования (фрагмента мира) имплицитно подразумевает существование в ней предметов того или другого типа. Так, населенный пункт (город, село, поселок и пр.) предполагает наличие в нем улиц и домов, в которых пребывают разновозрастные, разнополые и разнохарактерные жители.

Итак, язык обнаруживает рефлексы как включительно-бытийной (*Жил на свете медведь*), так и выделительно-бытийной (*Среди собак Ноздрева была одна муругая*) интродукций. Предложения типа *Жил на свете один медведь* синкретичны. В них экзистенциальное утверждение, отнесенное к миру, сочетается не с таксономией (включением в класс), а с выделением из класса. Возможно, что в этом случае имеет место контаминация типов.

Изложенные программы эквивалентны в том смысле, что в обеих присутствует утверждение о существовании предмета, его принадлежности к охарактеризованному классу и сообщение о способе его идентификации.

Поскольку выделительно-бытийный тип не может считаться первичным (он опирается на дополнительную, не относящуюся к картине мира предпосылку существования), мы будем пользоваться первой, более простой интродукцией, в которой особенно четко просматривается последовательность в развитии логических отношений: существование → таксономия → номинация → индивидуализация. Включение в программу фазы индивидуализации, происходящей уже в рамках суждения, позволяет рассмотреть и объяснить семантическую структуру субъектов, фигурирующих в «разгаре» текста и постепенно вбирающих в себя накопленную информацию.